

Вале Ма

Жрица Богини
Иштар

Вале Ма

Жрица Богини Иштар

«Автор»

2026

Ma B.

Жрица Богини Иштар / В. Ма — «Автор», 2026

Ты — верховная жрица Иштар. Ты читаешь будущее в картах. Но одну карту ты не увидела: его предательство. Он сказал, что ты слишком величественна. Что рядом с тобой он — ничто. Он искал утешения в других, а когда ты ушла, бросил вслед: «Если бы ты была веселее Ты сама виновата». Иштар услышала твой плач. Она даёт тебе силу, о которой ты не просила. Теперь каждое его слово, каждый взгляд, каждая обида вернутся к нему. Но цена будет выше, чем ты думаешь. Что ты выберешь:— Справедливость, которая сожжёт мосты? — Прощение, которое уничтожит тебя саму? Открой книгу. Ты уже сделала первый шаг. Осталось узнать, есть ли у жрицы сердце, способное любить после того, как его растоптали. 30 страниц. Мистика на грани реальности. Финал, который ты не предскажешь даже в Таро.

© Ма В., 2026

© Автор, 2026

Вале Ма

Жрица Богини Иштар

Жрица Богини Иштар.

Храм Иштар стоял на самой высокой скале города Аккада. Говорили, что если припасть ухом к полу в полночь, можно услышать, как под землей бьется сердце самой Вселенной. Но Энту, верховная жрица, уже три года не припадала к полу. Она сидела на резном троне из черного дерева и смотрела на бесконечную вереницу лиц.

Лица были одинаковыми. Сытые или худые, молодые или в морщинах, но в глазах всегда плескалась одна и та же муть — желание знать, не желая действовать.

Энту поправила край своего синего плаща, расшитого золотыми звездами, и приготовилась слушать. Она знала, что скажет этот человек. Она знала это еще до того, как он открыл рот. Но она молчала, давая им шанс проявить хоть каплю глубины. Они никогда не проявляли.

— О, великая Энту, — пропыхтел толстый купец, протискивая живот меж колонн. — Скажи, откроется ли караванная тропа на запад к следующей луне? Мои верблюды уже навьючены, товар ждет...

Энту, не поднимая век, перебирала пальцами тяжелое ожерелье из лунного камня. Она видела ответ еще прошлой ночью, когда сны Иштар касались ее век. Караванная тропа будет открыта. Но верблюды купца падут от мора, потому что он поил их из гнилого колодца и экономил на корме. Она могла бы спасти его товар. Она могла бы сказать ему правду. Но она устала.

— Откроется, — сухо ответила она, не взглянув в карты. — Иди с миром.

Купец ушел, довольно поглаживая живот. Он не спросил о здоровье скота. Он вообще не думал о верблюдах как о живых существах. Энту проводила его взглядом и вздохнула.

Следующей была девица с красными от слез глазами. Она вошла на цыпочках, будто боялась разбудить каменных львов у входа.

— Скажи, жрица, — прошептала она, комкая вышитый платок. — Чувствует ли он хоть что-то? Тот юноша из соседнего квартала, ткач? Я написала ему письмо, но он уже три дня молчит. Может, он болен? Может, письмо потерялось?

Энту посмотрела на девицу. Ей не нужны были Таро, чтобы увидеть этого юношу. Она видела его вчера на базарной площади — он держал за руку совсем другую, румяную и звонко смеющуюся, и хохотал над какой-то глупой шуткой. Он не болел. Письмо не потерялось. Он просто забыл, что эта бледная девица с платком вообще существует.

Энту могла бы выложить карту «Дурака» или перевернутую «Двойку Кубков» и объяснить, что надежда — это отравка, что ей пора выбросить платок и заняться вышиванием для приданого, а не для него. Но она устала быть разносчицей душных истин.

— Он думает о тебе, — соврала жрица с каменным лицом. — Но звезды говорят, что твой путь — иная дорога, в другую сторону. Пей чай с мятой на ночь, мойся родниковой водой. Следующая!

Девица вылетела из храма с надеждой в глазах, и Энту отвернулась к окну. За пыльными занавесками клубилась пустыня. Такая же пустая, как головы её просителей.

За день через её руки прошло четырнадцать человек. И каждый из них не задал ни одного вопроса о душе. О богах. О смысле.

Первый спросил, *какого торговца шелком выбрать*, потому что у одного ткань мягче, но он ворует меру, а у второго грубее, но честный. Энту чуть не сломала ноготь, сдерживаясь, чтобы не запустить в него колодой.

Второй, молодой парень с наглым лицом, спросил *«когда я разбогатею и женюсь на дочери старости»*. При этом он все утро просидел на базаре, играя в кости, вместо того чтобы пойти подмастерьем к кузнецу, куда его звали уже полгода.

Третий — женщина, которая хотела знать, *вернется ли к ней её черный кот, который ушел гулять три часа назад*. Кот вернулся сам, пока она задавала вопрос. Энту видела его хвост, мелькнувший за колонной.

Четвертый просил предсказать погоду на следующую неделю, потому что он собирался стирать ковры.

Пятый, старуха с клюкой, хотела знать, *какого зубного врача ей выбрать*, потому что один берет дешевле, но, говорят, пьет горькое вино, а второй знаменит, но дерет втридорога, зато руки у него не дрожат. Энту сжала зубы и сказала: *«Ко второму»*. Старуха ушла счастливая, сэкономив медяк на совете.

К вечеру, когда солнце расплавилось за горизонтом и окрасило пол храма в цвет старой крови, Энту осталась одна. Она зажгла масляный светильник, поставила его на алтарь и долго смотрела на свою колоду.

Это были не простые карты. «Золотая Заря» — так называла их сама Иштар, когда впервые вложила их в руки юной Энту, еще девчонке лет пятнадцати. Карты были покрыты вензелями, рунами и символами, которые помнили голос Богини. Они могли открывать врата в Мир Между Миров, вызывать духов древних царей, шептать волю созвездий.

Но сегодня, после четырнадцати глупцов, они пахли потом и разочарованием.

Энту взяла колоду в руки. Тяжелая. Теплая. Живая. Карты всегда были живыми — они дышали в такт ее сердцу. Но сейчас, прислушавшись, она услышала в них не голос Иштар. Она услышала в них отголоски сегодняшних лиц.

Она перевернула верхнюю карту, даже не глядя, просто чтобы проверить.

— Шут, — прошептала она и горько усмехнулась. — Идеально.

Поднесла карты ближе к светильнику. Ей казалось, что на каждом Аркане теперь нарисованы не божественные символы, а их лица:

— На «Колеснице» восседал тот купец с брюхом.

— На перевернутых «Влюбленных» корчилась та девица с платком.

— На «Пятерке Пентаклей» копошились беды, которые они сами себе навдумывали.

— А на «Десятке Мечей» лежал тот бездельник с игральными костями.

Энту передернуло.

— Зачем ты дала мне это, Иштар? — прошептала она, глядя на статую Богини. Та возвышалась в центре алтаря — женщина с гривой львицы, в короне из рогов, с пылающим факелом в одной руке и скипетром в другой. Прекрасная. Грозная. Равнодушная.

— Зачем видеть будущее тем, кто не хочет менять настоящее? — продолжала Энту, и голос её дрогнул. — Это не дар. Это попытка. Сидеть на этом троне, смотреть, как они сами творят свои беды, получать монеты за то, чтобы разжевывать им прописные истины. «Не пой верблюдов из гнилого колодца». «Выбрось письмо и умойся». «Встань с места и походи работать». Им ведь не нужно предсказание! Им нужна нянька. Им нужна мать, которая скажет: «Всё будет хорошо, даже если ты будешь сидеть сложа руки».

Она сжала колоду так сильно, что карты жалобно хрустнули. И в этом хрусте ей почудился голос. Большой. Глубокий. Идущий из-под земли.

«Ты смеешь роптать, дитя?»

Энту замерла. Но голос стих. Или ей показалось.

Она посмотрела на дверь. Снаружи доносились приглушенные голоса — у ступеней храма уже собиралась новая толпа на завтрашний день. Они придут с рассветом. С новыми глупостями. С новыми вопросами про котов, зубы и погоду.

И Энту приняла решение. Не мгновенное, не истеричное. Вызревшее за три года, как горькая олива.

— Нет, — сказала она твердо. — Больше никогда.

Она не сожгла карты. Это было бы кощунством. Неуважением к силе, которая древнее любого города. Она просто взяла черный шелковый платок, тот самый, в котором её мать-жрица принесла ее в храм тридцать лет назад, и бережно завернула в него колоду. Символ за символом. Знак за знаком. Она завязала узел, который должна была развязать только Иштар. Но она не собиралась просить Богиню о помощи.

Энту убрала колоду в самый дальний ящик алтаря, за курильницы с остывшим пеплом, за опавшие лепестки сухих роз. В темноту. В забвение.

— Я хочу быть слепой, — сказала она статуе, глядя прямо в каменные глаза Богини. — Как они. Я хочу не знать. Я не хочу видеть, кто предаст меня, кто умрет, кто меня обманет. Я хочу жить сегодня, не зная завтрашней боли. Я хочу просто... быть веселой и легкой. Как та дура с платком. Как та старуха с зубами. Глупость — это счастье, так? Так научи меня быть глупой.

В ответ — тишина. Только ветер завывал в щелях окон, разнося песок.

Энту сняла с себя тяжелое жреческое ожерелье из лунного камня — символ власти и связи с Богиней. Положила его рядом с колодой. Она сняла расшитый плащ и накинула простой шерстяной плащ, какие носили торговки на рынке. Она распустила сложную прическу, и волосы упали на плечи простой темной волной. Она хотела стать незаметной. Хотела стать обычной.

Энту вышла из храма через заднюю дверь, минуя парадный вход с толпой просителей. Она прошла по каменным ступеням, через внутренний дворик, где пахло миррой и сухим терновником. Она не обернулась на статую. Она боялась, что если обернется, то увидит, как Богиня плачет каменными слезами или, хуже того, смеется.

Внизу, в городе, шумела жизнь. Энту шла без цели. Без видений. Без пророчеств. Впервые за десять лет её голова была пуста. Не было шепота будущего. Не было картинок чужих смертей и измен. Только звуки базара, запах жареного мяса и смех уличных музыкантов.

Она стояла на перекрестке у старого фонтана в простом шерстяном плаще, но даже грубая ткань не могла скрыть того, что было в ней от природы. Прохожие оборачивались. Мужчины замирали с открытыми ртами, женщины с завистью шурились, дети тянули матерей за подол, показывая на неё пальцами. Она не замечала их. Или делала вид, что не замечает. Она привыкла к взглядам.

Волосы Энту — светлые, как спелая пшеница, как утренний свет, пробивающийся сквозь туман, — распущенные после снятия жреческих украшений, падали на плечи мягкой волной, в которой закатный свет играл золотыми искрами. Лёгкие, почти прозрачные пряди касались её щёк и шеи, делая её похожей на видение, на сон, который вот-вот рассеется. На щеке — тонкая полоса пепла от храмовых курильниц, словно божественная печать, которую она не успела стереть.

Её лицо было строгим и прекрасным. Высокие, выраженные скулы придавали ему скульптурную чёткость, делая похожим на изваяние древней богини. Тонкие губы — бледно-розовые, почти прохладные на вид — были сжаты в спокойной, надменной линии, которая редко смягчалась улыбкой. В этом лице не было мягкости. Была порода. Была власть. Была та самая древняя, божественная сила, которая текла в её жилах с рождения.

Она стояла прямо, плечи расправлены, голова поднята — не горделиво, а естественно, как будто всю жизнь привыкла смотреть на мир сверху вниз. Острый подбородок, чёткая линия

челюсти, высокие скулы, которые отбрасывали лёгкие тени в вечернем свете, — её лицо было вырезано резцом великого мастера. В каждом её жесте была уверенность, в каждом движении — власть. Она не ходила — она шествовала. Не смотрела — она одаривала взглядом, и этот взгляд мог сжечь дотла или воскресить из пепла. Даже в простом плаще она оставалась жрицей. Даже без лунного камня на шее она была вместилищем божественной воли.

Её тело дышало силой. Не грубой, не мускулистой — нет. Это была сила духа, сила крови, сила тысячи поколений жриц, которые служили Иштар до неё. Она стояла на этом перекрёстке, и земля под её ногами как будто знала, кто на ней стоит. Ветер, касаясь её светлых волос, словно кланялся. Даже камни мостовой, казалось, замолкали в её присутствии. Она была рождена для величия. Она была рождена, чтобы повелевать. И сейчас она стояла здесь, среди обычных людей, и они чувствовали это — даже не понимая, что именно они чувствуют.

А глаза... Её глаза были цвета утреннего неба — ясные, чистые, голубые, как вода в горных озёрах, как лёд на вершинах. Но в них, если присмотреться, мерцало что-то древнее. Что-то, что видело слишком много. Звёзды, которые не гаснут даже днём. Тайны, которые не уместаются в слова. Эти глаза были холодными. Слишком пронизательными для человеческого лица. В них была та самая божественная сила, которую не спрятать за улыбкой. Они смотрели сквозь время. Сквозь стены. Сквозь души. И они не прощали.

Её тонкие губы чуть дрогнули, когда она обвела взглядом площадь. Она не улыбалась — она оценивала. Она смотрела на этот мир с высоты своего происхождения, своей красоты, своей силы. И в этом взгляде была усталость. Но не слабость. Усталость той, кто слишком долго несла на себе тяжесть чужих судеб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.